

Джош Бейзел

Дикая Тварь

Josh Bazell

Wild Thing

Джош Бейзел

Дикая Тварь

Роман

*Перевод с английского
Александра Кабисова*

издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б41

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Бейзел, Джош.

Б41 Дикая тварь : роман / Джош Бейзел ; пер. с англ. А. Кабисова. — Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 480 с.

ISBN 978-5-17-088704-0

Джош Бейзел (р. 1970) — американский писатель и врач. Его первый роман “Бей в точку”, уже изданный на русском языке, произвел сенсацию и вошел в список лучших романов 2009 года, опубликованный журналом “Тайм”. “Дикая тварь” — это остросюжетный роман-расследование. Волей случая главный герой, врач с криминальным прошлым за плечами, оказался в составе экспедиции, исследующей мрачное и таинственное озеро в заповедном краю Миннесоты: по слухам, в озере водится страшное чудовище, пожирающее людей. Впрочем, экспедиция — лишь попытка перетасовать карты в опасной игре, которую ведут здешние жители и подоплека которой — странная и жестокая смерть двух подростков в водах злополучного озера.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-088704-0

- © 2012 by Josh Bazell
- © А. Кабисов, перевод на русский язык, 2017
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Пролог

Свидетельство “А”	15
-------------------------	----

Версия первая: обман

Свидетельство “В”	43
-------------------------	----

Версия вторая: убийство

Свидетельство “С”	79
Свидетельство “D”	113
Свидетельство “E”	140
Свидетельство “F”. Часть 1	204
Свидетельство “F”. Часть 2	215
Свидетельство “G”	275
Свидетельство “H”	285

Версия третья: чудовище

Свидетельство “I”	375
Свидетельство “J”	388

Эпилог	405
--------------	-----

Приложение	411
Источники	424
Благодарности	474
Об авторе	476

В этой книге все реальные лица предстают как литературные персонажи, их характеры — плод воображения автора. Все остальные герои и события — вымышленные. Любое сходство с реальными лицами, живыми или умершими, случайно и не является частью авторского замысла.

Посвящается Цзелу

Человеческий разум — не холодный свет, его питают воля и чувства; а это порождает желательное каждому в науке. Человек скорее, верит, в истинность того, что предпочитает.

ФРЭНСИС БЭКОН

*Афоризмы об истолковании
природы и Царстве Человека¹*

Но я хочу знать точно.

ЧИП ТЕЙЛОР

“Wild Thing”

1 Афоризм XLIX. Цит. по: Бэкон Ф. Новый Органон (Книга первая) / Пер. с англ. С. Красильщикова // Антология мировой философии. М.: Мысль, 1970. Т.2. С. 198. (Прим. перев.)

Пролог

Свидетельство “А”

Озеро Уайт, Миннесота
Позапрошное лето

Отем Семмел чувствует, как Бенджи Шник касается ее бедра, кончик его пальца скользит вдоль нижнего края трусиков-шорт по направлению к вагине. От этого по ее коже пробегают мурашки до самых сосков, а вагина раскрывается, словно ладонь. Она открывает глаза и говорит:

— Перестань!

— Почему? — спрашивает Бенджи.

Она указывает головой:

— Потому что Меган и Райан *здесь*.

Отем и Бенджи лежат на берегу озера Уайт, на узкой полоске земли, сплетенной в основном из корней деревьев и отделяющей это озеро от озера Гарнер. Меган Гочник и Райан Крайзел — на другой стороне, на озере Гарнер.

Бенджи говорит:

— Ну и что? Я же не трогаю ничего, что прикрыто.
— Да знаю я, что ты делаешь. Ты меня с ума сводишь.
Отем встает, одергивая трусики на ягодицах.
Смотрит назад.

Меган и Райан в каноэ, ярдах в двадцати-тридцати от берега. Ноги Меган свисают через борта. Райан делает ей кунилингус. Звук отражается от воды, и Отем отчетливо слышит стоны Меган, словно все происходит прямо перед ней. У нее начинает кружиться голова. Она возвращается на другую сторону перешейка.

Это похоже на переход из одного времени года в другое. Озеро Гарнер — широкий овал на открытой солнечной стороне. Озеро Уайт лежит на дне извилистого каньона, что тянется к северу от восточного берега Гарнера. Вода в Уайте черная, холодная и зыбкая.

Просто чудо. Отем нырнула.

Ощущения сразу же обостряются. Она ничего не видит, но чувствует свою грудную клетку, кожу головы, пальцы ног. Грудью она ощущает скользкие руки, это крем или какое-то свойство воды. Она плывет словно сквозь оникс.

Сделав под водой дюжину гребков, она чувствует, что Бенджи нырнул вслед за ней. Она плывет быстрее, чтобы он не догнал ее и не схватил за ногу. Такого она терпеть не может — это же так страшно. Вынырнув, чтобы подышать, она поворачивает назад.

Отем чувствует прохладный ветерок на лице. Резкий всплеск заставил ее встрепенуться. Бенджи нигде не видно.

При мысли, что он приближается к ней под водой, от правой ноги к животу пробегает паническая судорога, и Отем бьет ногами по воде.

Ей кое-что пришло в голову. Она поплывет в сторону западного берега. Раз она не видит Бенджи, то и он ее не видит. Значит, если она будет не там, где он думает, он ее и не поймает.

И все же кажется, будто он следует за ней. Инстинктивно она продолжает вскидывать ноги, поочередно.

Однако с каждой секундой становится все яснее, что Бенджи не собирается ее пугать. А потом она и вовсе понимает, что его даже нет в воде, что бы ей там ни казалось, пока она плыла. Он, наверное, ушел в заросли на берегу Гарнера — посмотреть, как трахаются Меган и Райан.

Нехорошее чувство. Брошенности и убоженности, но есть и что-то еще: Отем, конечно, нравится озеро Уайт, но ей не улыбается оставаться в нем одной. Не такое это место. Есть что-то взрослое в этом озере. — Бенджи! — кричит Отем. — Бенджи!

Из-за мокрых волос у нее мерзнут голова и шея. Он не появляется.

— Бенджи, ну хватит!

Отем плывет брасом назад к южному берегу озера, как вдруг прямо перед ней из воды по грудь вырывается Бенджи, он изрыгает струю темной крови, окатывая ее, как из ведра.

И тут же рывком уходит под воду.

Он исчез. Жар его крови исчез тоже. Как будто Отем все это померещилось.

Но она-то знает, что не померещилось. Что она увидела нечто ужасное и реальное — и что это вот-вот может случиться с *ней*.

Она разворачивается и изо всех сил бросается кролем к каменистому берегу у подножия скалы. Полный вперед, никаких вдохов. Плыви, а то сдохнешь.

Что-то бьет ее в живот и впивается невероятной тяжестью и болью. А когда отпускает, у нее вдруг начинает кружиться голова и она больше не чувствует своих рук.

Отем пытается выгнуть спину и глотнуть воздуха, но, похоже, она потеряла ощущение пространства или еще что, и она захлебывается.

А потом эта хреновина врезается в нее сзади, схлопывая ей грудную клетку, как книжку, и выжимая из нее жизнь, словно воду из губки.

Ну, по крайней мере, мне так рассказали.

Версия первая:
обман

1

Карибское море, 100 миль к востоку от Белиза
Четверг, 19 июля

“ИШМАЭЛЬ — ПОЗВОНИ МНЕ” — это все, что гласит тель-а-грамма. Но я был слишком занят, когда ее подсунули под дверь. Вырывал зубы щипцами какому-то бедолаге. Так что телеграмму я прочел только потом.

А чувак-то был настоящий бразильский индеец *намбиквара* с Амазонки. Битломанская стрижка, все дела, хоть и в белой робе прачечного отделения.

Ну да, у *любого* отделения робы белые.

Тыкаю в очередной коренной. Говорю:

— ¿Seguro?¹

— Нет.

— ¿Verdad?² — Они же там вроде по-испански, в Бразилии-то.

1 Вы уверены? (исп.)

2 Правда? (исп.)

— Нормально, — говорит.

Может, и нормально. Если верить моим стоматологическим познаниям — кстати, почерпнул я их, просмотрев часа полтора видеоинструкций на Ютьюбе, — укол лидокаина в задний верхний альвеолярный нерв отключает чувствительность третьего коренного только у двух третей пациентов. Остальным нужен второй укол — в средний верхний альвеолярный, — а то они будут все чувствовать.

Надо полагать, любой настоящий стоматолог, недолго думая, вколлот бы сразу два. Но именно такая логика привела к тому, что я первым делом использовал весь лидокаин в санчасти экипажа, а потом и почти весь лидокаин, который мне удалось спереть из пассажирского медпункта. Поэтому теперь мне приходится тыкать и спрашивать. А многие мои пациенты — слишком суровые мужики или просто слишком вежливые и не признаются, что им больно.

Ну и хрен с ним. Приберегу лидок для тех, кому так страшно, что говорят правду.

Выкручиваю коренной зуб так быстро и плавно, как только умею. Он все равно крошится в черную дрянь уже в щипцах. Рукой в перчатке ловлю эти крошки, чтобы не замарать чуваку форму.

Сдается мне, нужно еще разок прочитать в трюме лекцию о гигиене полости рта. В прошлый раз это, как видно, мало что дало, но, по крайней мере, там было меньше поножовщины, пока я рассказывал.

Снимаю перчатки над мойкой. Оглянувшись, вижу слезы на лице мужика.

■

Файер-дек 40, пожарный, блин, мостик — металлическая платформа между двумя дымовыми трубами. Насколько мне известно, это вообще самая верхняя точка корабля, на которой можно стоять. Хрен его знает, почему он пожарный.

Солнце садится, ветер как из фена. На горизонте стена облаков высотой десять миль движется параллельным курсом. Переливчатые красные и серые краски вспучиваются друг над другом, как кишки.

Ненавижу этот гребаный океан. Я ненавижу его *физиологически*, как выяснилось. Если я в море, капец моему сну, становлюсь весь дерганый и страдаю глюками. В том числе и поэтому работа младшего врача на круизном судне — это как раз то, чего я заслуживаю.

Не то чтобы мне пришлось выбирать. Если куда-то еще и берут столько врачей, абсолютно не парясь о том, настоящие у них медицинские дипломы или просто купленные где-то липовые бумажки (я, например, “Лайонел Азимут”, окончил университет Сиуатанехо), то я об этом не слыхал. Не говоря уже о том, что этот бизнес не особо связан с мафией¹.

Возле одной из дымовых труб с лязгом открыва-

1 Мафия, как и весь мир, заинтересовалась круизными лайнерами лишь в 1977 г., после премьеры сериала “Корабль любви”, — очень не вовремя, поскольку тогда ФБР уже всюю расследовало дело Международной ассоциации портовых работников [*где руководящие посты занимали члены мафиозных кланов. — А. К.*], на местах были установлены жучки и работали информаторы. Пока братва выпутывалась из проблем и собиралась сделать ход, круизный бизнес вырос и стал ей не по зубам. (*Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.*)

ется люк, оттуда выходит ну очень черный человек. На нем такая же (белая) форма, только с длинным рукавом — младший офицер верхней палубы.

— Доктор Азимут.

— Мистер Нгунде¹.

Мистер Нгунде уставился на меня:

— Доктор, вы не застегнуты.

Так и есть. На мне белая майка, но белая же форменная рубашка с коротким рукавом расстегнута. А на плечах золотые эполеты, и я чувствую себя пьяным пилотом авиалайнера.

— Вряд ли это кого-то смутит, — говорю я, глядя вниз через леер.

Отсюда из всего корабля, который вдвое шире и втрое длиннее “Титаника”, видны в основном белоснежные крыши и телекоммуникационное оборудование, хотя можно разглядеть и пару-тройку бедолаг, задача которых — высматривать пиратов. Пассажирские зоны — отсюда я могу заглянуть в “Нинтендо-арену” и задний крыто-открытый бассейн — на сто процентов пусты. Все пять главных ресторанов лайнера открылись на ужин полчаса назад.

1 На круизных судах экипаж состоит из представителей в среднем шестидесяти разных стран. Операторы любят подавать это под соусом глобализма а-ля “*посмотрим чемпионат мира!*”, но на самом деле такая практика появилась в 1981 г. после сидячей забастовки преимущественно гондурасских и ямайских команд на двух кораблях компании “Карнивал Лайнс” в Майами. Теперь при комплектации команды лайнера, как правило, не допускают концентрации больше пяти процентов матросов одной национальности и, напротив, стараются набрать максимум офицеров-соотечественников, причем в идеале все они должны разговаривать между собой на языке, непонятном большинству матросов, например на греческом.

Мистер Нгунде к лееру не подходит. Тут я вспоминаю, что он боится высоты и чувствую вину за то, что ему пришлось подняться сюда, чтобы найти меня. И за то, что так несерьезно отношусь к нарушению, за которое его уволили бы и вышвырнули в ближайшем порту. Мне-то, пожалуй, надо столкнуться с охранником, выходя из каюты пассажира, и при этом быть бухим вусмерть, чтобы меня уволили, да и то охранник извинился бы. А вот мистеру Нгунде запрещено попадаться на глаза пассажирам, если только он не едет на ледовом комбайне или не выполняет еще какое-нибудь задание в общественной зоне. Сколь бы безупречна ни была его форма.

Вспомнив о ледовом комбайне, я спрашиваю:

— Как рука?

— Очень хорошо, доктор.

Это вряд ли. На левом предплечье у мистера Нгунде под длинным рукавом скрывается обширный ожог, полученный при попытке залить жидкость для гидроусилителя в ледовый комбайн с горячим движком. Найти на судне противостолбнячную сыворотку мне не удалось. Да я никогда толком и не видел столбняка, чтобы особо париться по этому поводу.

— А как диарея? — спрашивает мистер Нгунде.

— Отпустила вроде. Главное, рагу не ешьте.

— Спасибо, доктор. Много пациентов сегодня?

— Не особо.

— Что-нибудь любопытное?

— Нет.

Мистер Нгунде интересуется, не высказал ли кто-нибудь из моих пациентов недовольства в достаточно значительной мере, чтобы доложить об этом руководителю той или иной службы. Я не обижаюсь на него. В течение ближайших двадцати четырех часов кто-нибудь из младших офицеров, старше мистера Нгунде по должности, ненавязчиво спросит меня, не общался ли я с ним, и если общался, то не сказал ли тот чего-нибудь любопытного.

И все-таки меня это обламывает, поскольку напоминает, что я, на самом деле, сотрудник круизной компании. Моя должность осыпана всяческими привилегиями: отдельная каюта, меня бесплатно кормят почти во всех ресторанах на борту, кроме того, мне — как и главному врачу — положено место на спасательном катере № 1, на капитанском спасательном катере¹. Но большинство моих пациентов раскаиваются, что однажды покинули свои вонючие трущобы и деревни. Они получают около шести тысяч долларов в год и из этих денег должны выплачивать проценты по кредитам, которые взяли, чтобы попасть сюда. Давать взятки за материалы, которые используют в работе, и платить комиссию за денежные переводы, которые отправляют домой, чтобы их детям, боже упаси, никогда не пришлось работать на круизном судне. Улучшает ли моя работа качество их жизни или просто содействует их эксплуатации — вот в чем вопрос².

- 1 Также известном как “Жемчужина мор-эй, бывайте, ихтиандры хуевы”.
- 2 В основе этой проблемы лежит тот факт, что круизные компании не являются субъектом правовых актов о труде, о правах человека, об охране окружающей среды, о здравоохранении (и о налогах).

- Если позволите, доктор...
- О, конечно, мистер Нгунде, извините.
Он потеет.

Как только он закрыл за собой люк, я вспомнил о тель-а-грамме, которую поднял с пола в медпункте. Достая ее и читаю:

“ИШМАЭЛЬ — ПОЗВОНИ МНЕ”.

Интересно.

Ишмаэль — мое имя по федеральной программе защиты свидетелей, но единственный, кто так называет меня, это профессор Мармозет. Это он первым делом устроил меня в ФПЗС, а потом — в медучилище. А когда у меня начались неприятности — вывез из Нью-Йорка.

Мармозет — не болтун. У него даже нет автоответчика. Если Мармозет выходит на связь, это серьезно. Телеграмма может означать: “Тут для тебя нашлась работа”. Возможно, даже связанная с медициной.

Возможно, даже на суше.

Но пока не узнаешь больше, гадать нечего. Сейчас работенка у меня и так паршивая, даже если не думать, что мог бы заниматься чем-то получше.

Поэтому сосредоточься на качке. На морской болезни.

Очень скоро все выяснится.

обложении, кстати), так как большинство их судов — даже те, что швартуются только в американских портах, — зарегистрированы где-нибудь в Панаме, Боливии, Либерии. В последний раз что-то с этим поделаться пытались при администрации Клинтон: тогда всю ситуацию посчитали слишком тесно переплетенной с вопросами международной торговли и предпочли не связываться.

2

Портленд, Орегон
Понедельник, 13 августа

В аэропорту Портленда меня встречает девушка с челкой, как у Бетти Пейдж, и табличкой “Д-р Лайонел Азимут” — именно ее я и нанял бы, будь я на четырнадцатом месте в списке богатейших людей Америки. Она просто вылитая телочка с пин-апа. Но такая, что может и хук врезать.

— Неинтересно, — заявляет она, как только я подхожу к ней.

— Я Лайонел Азимут.

— Отвали.

Я не принимаю это близко к сердцу. С виду-то я — елдак елдаком на конце с кулаком.

— Мне назначена встреча с Милл-Оттом¹, — добавляю я.

¹ На самом деле я не говорю “Милл-От”. Просто я дал ему такую кликуху про себя, поскольку в СМИ его окрестили “миллиардером-отшельником”.

Это заставляет ее передумать:

— У вас есть багаж?

— Только вот это.

Спустя секунду:

— Может, лучше катить?

— Ручка слишком короткая.

Она оглядывается по сторонам, но никто другой на фамилию Азимут не претендует.

— Простите, — говорит она. — Меня зовут Вайолет Хёрст. Я палеонтолог Милл-Ота¹.

— Для чего Милл-Оту собственный палеонтолог? — спрашиваю я, как только мы прошли сквозь дождь и оказались в подземном гараже. Время восемь вечера.

— Не могу сказать. Это конфиденциальная информация.

— Вы что, клонируете динозавров? Как в “Парке Юрского периода”?

— Никто не клонирует динозавров, как в “Парке Юрского периода”. ДНК разлагается за сорок тысяч лет, даже если это ДНК комара в куске янтаря. Единственный способ получить ДНК динозавра, вымершего шестьдесят миллионов лет назад, — это восстановить ее из ДНК его современных потомков. Мы начнем жрать человечину на улицах раньше, чем достигнем таких технологий.

— О как! С чего бы?

¹ Вайолет Хёрст, естественно, тоже не называет его “Милл-От”.

— В ней белка много. И вообще, я не зоопалеонтолог. Вот моя.

Мы подошли к машине. Старенький “Сааб” с полосой ржавчины по всему кузову, вроде ватерлинии. А может, это и есть ватерлиния.

— А какой вы палеонтолог? — спрашиваю я.

— Катастрофический. Если хотите, можете сказать это вслух.

— Что?

— Если я работаю на богача номер четырнадцать в Америке, то почему тогда езжу на такой развалюхе?

Мне это и впрямь было интересно.

— Ну, у меня вообще нет машины.

— Милл-От много не платит, если вас не предупредили, — говорит она, отпирая правую дверцу. — Он опасается, что на нем захотят нажиться, использовать его.

— И что, старается опередить их?

— Он старается делать все, что, с его точки зрения, поможет ему оставаться в здравом уме. Кстати, не упоминайте это четырнадцатое место при нем. Это его бесит.

— Из-за того, что это ярлык, или из-за того, что он только четырнадцатый?

— Наверное, и то, и другое. Бросайте назад. Багажник не открывается.

— Так когда мы начнем жрать человечину на улицах? — спрашиваю я.

Она смеется:

— Вы не хотите этого знать.

Мы едем по трассе. Всю дорогу по любовому стеклу ползет дождевой студень.

— Пожалуй, все-таки хочю.

Я хочу, чтобы сногшибательная леди ученая говорила дальше, это уж точно. Не могу оторвать от нее глаз, а если мы замолчим, то это будет уже полное хамство.

— В Штатах? — говорит она. — Самое позднее — лет через сто. А может, и через тридцать. В других странах — гораздо раньше. Миллиард человек уже сейчас умирает с голоду.

— Изменение климата?

— Да.

— Необратимое?

— Нет.

— Почему нет?

— Мы уже нажали на метановый спусковой крючок.

— А это у нас что?

— Таяние арктических льдов, насыщенных метаном, — просвещает она. — Метан создает парниковый эффект в двадцать раз сильнее углекислого газа. А когда он окисляется в водной толще до двуокиси углерода, вода подкисляется еще быстрее, чем до этого. Мы уже почти достигли точки, когда Атлантика станет настолько кислой, что моллюски не смогут образовывать раковины. Скоро она станет слишком кислой для всего, кроме сульфатредуцирующих бактерий. А они выделяют сероводород, токсичный для растений и животных, и это тоже парниковый

газ. Пятьдесят миллионов лет назад небо позеленело от сероводорода. На этот раз все произойдет гораздо быстрее.

— Альтернативные источники энергии? — спрашиваю я.

— Конечно, нет. Для того чтобы возникли углеводороды, организмы четыре миллиарда лет преобразовывали углекислый газ из атмосферы в углеводы с помощью солнечной энергии. Что может их заменить? Ветер? Геотермальная энергия? Даже если бы они могли заменить, у нас нет технологии для хранения такой энергии. Нефть хотя бы сама себе проводник и аккумулятор.

— Мирный атом?

— Атом — это развод, даже без взрывов и утечек. Ни одна АЭС еще не выработала столько же энергии, сколько потребовалось на ее строительство и обслуживание. Атомная энергия нужна, только чтобы сохранять экологию Франции и отравлять Южную Америку.

— Так что, совсем никакой надежды?

— Никакой надежды обратить этот процесс. Или замедлить его. Теоретически возможно сократить коэффициент его ускорения, только вот никто этим всерьез не занимается. И даже если бы занимались, все наши знания о человечестве подсказывают, что мы используем ресурсы *менее* эффективно, когда дела плохи. Представьте себе людей, сжигающих диваны, чтобы согреться.

Внезапно она стреляет глазами на меня. Клянусь: женщины точно знают, когда ты палишься на их бу-

фера. Если б научиться управлять этой способностью женской психики, человечество было бы спасено.

— Вы, кажется, получаете удовольствие от этой беседы, — говорит она.

Так и есть. Вообще я, наверное, даже смеялся вслух.

И я не знаю точно почему. Самоуничтожение рода человеческого — это, конечно, забавно, — особенно если оно происходит из-за перенаселения и технического прогресса — единственных целей, которые человечество когда-либо принимало всерьез. Но, может, все дело в моей спутнице. Эх, доктор Хёрст, какой же ответ *не послужит* вам поводом выбить из меня все дерьмо?

— Так когда мы прошли точку невозврата? — спрашиваю я.

— Забудьте. Я вам слова не даю сказать.

— Да ладно вам.

— Радио не работает. Не заставляйте меня петь.

— Так вот чем вы занимаетесь для Милл-Ота? Изучаете конец света?

— Это конфиденциально. И нет.

— Но ведь вы же...

— Палеонтолог катастроф. Все равно нет.

— Так что же вы делаете для Милл-Ота?

— Ла-ла-ла-ла.

— Вы можете хотя бы сказать, о чем он собирается говорить *со мной*?

— Нет. Простите, не могу. Он хочет поговорить с вами лично. А с Милл-Отом все завязано на доверии.

Она сигналит, остановившись перед воротами.
— Кстати, о доверии: он хотел, чтобы я подождала вас и отвезла в отель, но, похоже, на это я пойти не могу. От разговоров о конце света меня всегда очень тянет выпить. Просто попросите его вызвать вам такси. И сохраните чек.